

ВЯЧЕСЛАВ КАРИЖИНСКИЙ

Музыка Пустоты 2
ПОСТСКРИПТУМ: ПУТЬ ДОМОЙ

*Памяти моего отца,
Вячеслава Михайловича Карижинского*

I

*Мы говорим на языке молчания, глазами бездны устремившись в небеса,
приносим злему богу подаяние, срывая с мёртвых губ немые слова,
а скольких бросила в петлю отчаянность, скажи, что помнишь искажённый
смертью лик и взгляд, такой забитый, неприкаянный,
и все события ведущее в тупик,
мы говорим на языке молчания и смотрим на тебя
из чрева пустоты, из тёмных вод железных крыши прощания,
где вместо точек многоточия слепых?*

Стильхет

Со временем привыкаешь к боли, и она становится усталостью. Стоишь один в пустом безлюдном поле и капли осеннего дождя одаряют тебя своей скупой холодной лаской. Ты больше не хранитель воспоминаний, не сновидец изменчивой экзистенции, не скиталец по пыльным руинам прошлого – ты безмолвный наблюдатель безжалостной природы, проигравший битву со временем. Некогда остановившееся время пробудилось от гипнотического сна и начало свой разбег. Воздушные суда будущего расцарапали небо млечными следами инверсий, время млечной тенью легло на твои волосы, побелив виски. Свет стал тебе невыносим, и ты ждёшь наступления сумерек.

А когда ночь вступает в свои права, садишься в такси и едешь куда попало, глядя на желтоватые огни, проносящиеся мимо тебя размытыми пятнами. Огни и капли дождя. Знакомая до слёз песня по радио. Незнакомая песня. И кажется, что во всём этом зашифровано нечто – ключ к новой, совсем иной жизни, которая должна вот-вот наступить. И ты шепотом повторяешь: «В Нео-Кробизоне всё будет по-другому, неоново и ново, гламурно и праздно.» Погружённый в гипноз ночи, словно засыпаешь, и осенняя прохлада становится зимней метелью, уютный кузов машины – скользящей по снегу повозкой, запряженной ездовыми собаками.

И ты мечтаешь. Мечтаешь о северной ночи и белых собаках, о ком-то близком, кто сидит рядом, не выпуская твою ладонь из своей. Экипаж мчится через метель к юрте старой шаманки, что возьмётся лечить тебя долго и скрупулёзно. Уже слышатся стоны её камлания, запах костра и целебных снадобий,

уже ты чувствуешь на губах сладко-горький вкус колдовских трав.

В этих мечтах будущее и несбывшееся слились воедино, приняв новые, но при этом знакомые формы. Уютные воспоминания, в которых старый город, кафе, где собирались самые близкие друзья. Гадальные карты Таро и Ленорман, шелест тасуемой колоды, курящийся синеватый дымок лавандовых благовоний и палочек Пало Санто, сладко-горький африканский кофе, скрывающий тайны в своей колдовской гуще, дрожащие огоньки свечей и селенитовый жезл в тонких пальцах нежной руки, исполняющей воздушный танец Рейки.

О чём думала та женщина, что гадала нам в кафе, спасаясь в гаданьях от своей боли, глядя на остальных, молодых и влюблённых, жаждавших узнать свою судьбу? Я не хотел об этом думать. И потому у шаманки, к которой я направляюсь теперь, лицо северное, не выражающее ничего, кроме отрешённости, будто скрывающееся от любопытного взгляда под густой сеткой морщин на смуглой коже, тающей в дыму костра.

Кажется, всё это уже сейчас происходит со мной наяву. Ты рядом, и мы вместе в далёкой северной пустыне. Днём шаманка лечит меня холодом и заклинаниями, а ночью, взмахнув руками, словно огромная сова мохнатыми крыльями, взмывает вверх, под матерчатый купол пространной юрты и прячется дриадой в её складках, оставляя нас наедине. Неизвестно, наблюдает ли она за нами или впадает в глубокий сон. Мы же, лежащие на тёплых и колючих звериных шкурах, предаемся ласкам. Ты становишься птицей, твоё тело вздымается над моим и нисходит с гулким выдохом, словно ангел, то восходящий над млечной гущей облаков, то ныряющий в их пучину. Ты исцеляешь меня своим телом, и мимо нас проплывает вся вселенная, клокочущая и беспокойная, сопровождаемая далёкими гудками ночного поезда, томным пением его паровой Каллиопы.

Потом мы засыпаем вместе и видим один и тот же сон: одинокий остров в океане, пустынный скалистый берег острова, два тела, сплётённых в воде – всё вокруг пустынно и одиноко. Не одиноки только мы, смотрящие друг на друга, глядящие на себя словно со стороны и не могущие поверить, что это всё взаправду.

Цветными теньми море, словно кинопроектор, бросает волны воспоминаний на рельефный экран скалы. Сколько в этих волнах усталости, сколько мудрости в глазах актёров, играющих в этом немом кино. Сколько молодости в их прикосновениях к старым камням.

– Слышишь, поезд прибывает, – ты шепчешь в полусне, обнимая меня крепче.

Я просыпаюсь и вижу нашу комнату вне времени. Лёгкой дрожью от проезжающего неподалёку поезда отзывается запотевшее стекло незанавешенного окна.

Неодолимая жажда чуда просыпается в самый горький час, когда боль становится усталостью; когда, не веря гаданьям, ты всё же внемлешь им, ища спасения в каждом ободряющем слове. Не желая возвращаться в мучительную явь, ты надеешься отдалить момент пробуждения и погружаешься в мечты так, что все их сюжеты становятся для тебя реальными, а неминуемое возвращение – тревожным сном, точно мороком по-зимнему короткого, пасмурного и суетливого дня.

Где я сейчас? Продолжаю ли спать, чувствуя завершение сюжета, или, едва проснувшись, преодолевая усталость, бреду по снегу в полусне, возвращаясь домой?

II

*Мне кажется, что где-то на земле
Есть комната.
В ней всё осталось прежним.
Всё тот же зайчик в тонком хрустале,
Тюль на окне
с узором очень нежным...*

*Там не срывают лист с календаря
И не уходят в вечность все родные,
Там не расту и не старею я...
В той комнате
все вечно молодые.*

*Как хорошо, что где-то на земле,
В далеком, странном,
параллельном мире
Есть комната с компотом на столе
И устаревшей песенкой в эфире.*

Эмма Куневич

Мой покинутый пустой дом давно выставлен на продажу, но покупатель никак не находится. Каждая ночь, проведённая в этом доме – последняя. Последнее прикосновение к родным стенам, растерянный взгляд в окно. Здесь больше нет даже призраков памяти, лишь голое, как запылённые стены, чувство родства. Оно, наверное, пройдёт, когда новые хозяева сделают капитальный ремонт, и проходя мимо по улочке, я не смогу узнать своё прежнее обиталище. А пока я хочу побыть здесь один.

Засыпаю и вижу всю мою семью в сборе. Вернулись все умершие – вернулись здоровыми и полными сил.

– Как тебе это удалось? – спрашиваю я отца.

– Пришлось как следует постараться. Там три года проходят, как здесь один день.

Сажусь за рояль, и мелодия льётся из моих рук, ведомых по клавишам нездешней силой. Какая знакомая мелодия – но не могу вспомнить, откуда. А если сыграть ноты в обратной последовательности? Пробую. И узнаю похоронный марш.

– Ты веришь, что это всё по-настоящему? – спрашиваю я мать.

– Я знаю одно, – отвечает она, – если это Бога, то пребудет вовеки, а если нет, то очень скоро исчезнет.

Долгая дорога на кладбище за чертой города, тишина туманного осеннего дня, праздные разговоры провожающих. Неуместное спокойствие внутри, прерывающееся отрывистым гудком поезда и дрожью оконного стекла.

Я просыпаюсь, дрожа не то от холода, не то от страха, ища руками твои плечи, засыпаю снова и слышу голос матери:

– Если бы ты мог доверить Богу свою жизнь...

– Какя могу ему доверять, – отвечаю, едва не срываясь на крик, – если мой отец любил меня больше, чем Бог любил свои творения? Любил ли Бог кого-нибудь вообще? Всё, что я вижу вокруг – обман и бессмыслица, страдание, не приводящее ни к чему, мир, дышащий болью, злобой и беспомощностью. Что получает каждый, пройдя свой путь до половины, – руины старых надежд, обломки ожиданий детства – корабля дураков. Видит – и доживает, чтобы сгинуть ни за что и ни за чем, исчезнуть, как и все другие, равные ему в своей беде и своей беспомощности. Посмотри, всё сущее вопиет о нелюбви Бога. А вернее, о Его фактическом отсутствии. Это же так просто и понятно...

Мой голос заглушает радиоприёмник:

– Человек в смертную ночь свет зажигает себе сам; и не мертв он, потушив очи, но жив; но соприкасается он с мертвым – дремля, бодрствуя – соприкасается с дремлющим.

Так пронзительно кричит только один поезд – экспресс в шесть утра. Я знаю все здешние поезда по их голосам. Вырванный из беспокойного сна, я по привычке оглядываюсь по сторонам, пытаюсь узнать свою комнату, её стены и двери, – нашу комнату...

Узнаю этот смог и дождь, излучающее мягкость и холод покрывало. Где же ты? Где же ты, моё близнецовое пламя? Кто и зачем пробуждает меня к жизни снова и снова в зияющей пустоте дней? Словно спасает меня до поры от судного дня...

Как заставить себя не верить тому, что видишь? Как перестать жить не по лжи? У реализма нет ответов на мои вопросы – только бесконечность тупиковых маршрутов, всё больше опровержений моим надеждам. Как сойти с ума и получить нужные ответы? Как перестать дышать только страхом и болью, оставаясь живым? Бог, как всегда, молчит, а временное спасение

даруют снадобья, химические формулы которых подчас короче моего полного имени.

Как жестоко мы обмануты! Литий способен унять тоску, бром – ослабить страсть, однако, при этом ни одно из придуманных людьми высокопарных слов не способно утешить меня даже на короткое время. Призраки, блуждающие миражи, молящиеся своим совершенным абстракциям, вспышки молний между тьмой былого и мраком грядущего, хватающиеся горящими крыльями за воздух, думающие, что их ласкают звёзды – все вы пленники обмана и страха. Я не хочу быть одним из вас, я не хочу быть собой. Хочу не умереть, но стать снова тем, чем был до своего рождения. Невоплощённым, невинным, не вкусившим проклятого плода от дерева познания, преисполненным космического холода – всемогущим в своём абсолютном бесстрашии и бесчувствии.

Необходимо отказаться от всех известных нам концепций: обладания, любви, долга; не принадлежать никому и никого не делать своей принадлежностью. Быть связанным со всеми навеки, не будучи ни к кому привязанным. Для этого нужно умереть. И продолжить жить, умерев. По-бунтарски, как Тертуллиан, уверовать в абсурдное! Но это только первый шаг навстречу свободе. Второй шаг, о бытие, ты должно сделать навстречу мне. Все, кто умер, должны продолжить жить, все отыгранные жизни, как роли прошлого, должны собрать актёров за кулисами – все параллельные линии пересечься за пределами сцены. Все без исключения должны быть прощены и одарены вечной жизнью в раю на земле – не меньше! Всякая необратимость должна повернуть себя вспять. И тогда я прощу тебя, боже, тогда и уверую, быть может. Тогда, исцелённый, я побегу по белому серверному насту вслед за повозкой, запряженной ездовыми собаками, разнося по миру благую весть иного дня, дня оного...

– Поезд прибывает, – ты шепчешь, едва касаясь губами моего горячечного лба, – скоро всё пройдет, скоро хворь уйдёт...

Твой голос становится тише ветра и медленно растворяясь в листьях деревьев за окном, уходит с ветром незадолго до рассвета. В самый тяжёлый час твоя нежность напоминает о себе на миг и снова покидает меня. И я забываю о тебе. Так быстро забываю...

III

*Слышишь, гудит монотонный волчок
Чёрных часов января?..
Полузадушенный свет-светлячок
Бьётся внутри фонаря.
Вспышка, затмение... Мерцающий блюз,
Пульса ускоренный бег.
Если ты спросишь, кого я люблю,
Я не отвечу тебе.
Это не тьма копошится в углу –
Тьма копошится во мне.
Танец неровных теней на полу,
Танец теней – на стене
Снова и снова у нас на виду
Крутят свою кутерьму.
Если ты спросишь, куда я иду,
Я не приду ни к чему.
Трётся о стёкла январская хмарь -
Лучше в неё не смотри.
Ветер небрежно качает фонарь
С гаснущим светом внутри.
Поздние сумерки. Сон наяву.
Сорок часов до утра.
Только не спрашивай, чем я живу:
Я не хочу умирать.*

Елена Евсеева

Я снова на грани гибели – годы, знаешь ли, берут своё, – мне снова приходится постигать давно позабытое умение становиться сильнее себя самого. Впервые оно обнаружилось в раннем детстве, когда врачи ничем не могли мне помочь. Они до поры не могли даже определить диагноз, и я спасал себя сам.

Помню одну такую жуткую ночь, когда тошнота, ужас и удушье обступали меня, словно хищные звери, окружившие во тьме палаты, и я не мог позволить себе уснуть, зная, что тотчас стану их лёгкой добычей. Я периодически впадал в полудрёму, и воображение рисовало мне фантастические картины.

В саду из железных деревьев, напоминавших восточные орнаменты на старинных барельефах, я лежал под матовым

светом бутафорского полумесяца, напоминавшего зерно фасоли, и звал на помощь чудо. Звал долго, неустанно, пока наконец рядом со мной, ни присел огромный аист, с тонким глиняным кувшином в клюве.

Опустив кувшин на землю, птица уткнулась мне в живот клювом, и тот безболезненно проник внутрь. Набрав грязную жидкость моей болезни, аист высунул клюв и сплюнул на песок. Так повторилось несколько раз, пока мой живот не опустел. Затем аист набирал в клюв из кувшина белую, как молоко, прохладную целебную влагу и вливал её мне в живот. Хворь постепенно отступала, а к утру, я чувствовал блаженство и усталость, погружаясь в глубокий сон, завершавший моё исцеление.

Шли годы, и я вспоминал об этом всё реже. Но всё чаще мне хотелось заболеть, как тогда, в детстве, чтобы снова ощутить заботу – материнскую и отчую заботу. Но никого из близких в тот момент не было рядом. А случайные люди, невольно бывшие свидетелями моей слабости, точно по какому-то тайному сговору, проявляли нарочитую жёсткость и безразличие. Мне ни в чём нельзя было давать себе слаbinу и выглядеть жалко – и я не понимал, почему.

Так и в этот раз, во время ночного приступа я снова учился дышать в безвоздушном пространстве, идти под водой, преодолевая смерть в одиночку, верить в абсурдность своих фантазий, преисполняться космическим холодом – быть всемогущим в своём абсолютном бесстрашии и бесчувствии. И всякий раз, когда мне это удавалось, болезнь отступала.

Чтобы спастись, нужно представить себе спасение как можно ярче и детальнее и поверить в него. Я бы даже сказал – сотворить его самостоятельно из ничего. Каждый раз заново, с нуля, находясь у самой точки невозврата. Похоже, никакого иного спасения ожидать не следует. Из всех целителей мира есть только один – доктор аист, созданный тобой у последней черты боли, ужаса, страха и отчаяния.

IV

*Февраль, - итог зимы постылой, отбыл, и отбыл день пустой,
В туманах, ставших на постой, садится серебро светила,
Снег голубой изъеден с тыла ультрафиолетовой густотой.
Свинец небес слегка кольшет Сна оглушающую тишь,
Амфитеатр снежных крыши Навис над озером застывшим.
Плат кладбища, крестами вышит, прижался к склону горных ниш.*

*Еще не вечер - предвечерье, час фиолетовых теней.
В суть иероглифов ветвей Душа, всей сущностью дочерней,
Вникает - эхом вторит в ней Каверн саморазоблаченье.
Ведь там, в пустотах филиграни, таится времени секрет:
Всегда малиновой заре Закат наследует багряный,
И жизнь от молодости рьяной стремится к старческой поре.*

*Смысл очевиден и обыден, но в нём - и приговор, и срок,
Ведь даже самый первый вдох Уже таит последний выдох,
И гены в первозданном виде, содержат гибельный итог.
Поэтому тцета наряда Душе претит - всё блеф, всё сны -
От нежной зелени весны До катастрофы листопада...
Усталость - расцветать и падать - Несносней зимней белизны.*

*В гипнозе долгого раздумья, в час одиночества ума
Душе всё явственней обман Любви, надежды, веры юной,
Как будто в полночь, в полнолуние, спал перламутровый туман,
И смутность призрачного плена осела, проясняя суть:
Я - одноразовый сосуд - Для сосланной на заземленье
Души, парившей во Вселенной, давно остывшей на весу...*

*Раскаяньем, повиненьем - Она как будто узнает
Грехопадение свое Былого заживорожденья,
Но всё пред вечностью - мгновенье, и даже ссылка в бытиё.
Лишь в феврале, под стать природе, Вершащей годовой виток,
Душа предвидит свой итог, ждёт отдыха или исхода,
И смерть все шепчет о свободе - Восстань, и преступи порог...*

Татьяна Капутина

Зимний холод забытья, озноб неизбежного перерожденья, умиряющий лихорадку вседневной маеты. Зимний сон, полный разбросанных по дороге и плывущих по поверхности реки лепестков сакуры. Пейзаж, полный стрекоз, парящих на розовых крыльях над дорогой и рекой, над нами, идущими рука об руку. Сон, где я повелитель стрекоз, гремящих ожерельями стай, опоясавших низкие облака, помнящих

шумерский плач о скоротечности жизни и недостижимости бессмертия, – змеиных докторов, взвешивающих людские души и просеивающие их, словно сито, над зеркалом чистой воды. Я дирижирую их беспокойным полётом.

Выхватывая ноты забытой музыки из моих рук, розоватые стаи окутывают нас гармонией, сочащейся из крыльев-лепестков.

Лёгкость. Ни с чем не сравнимая лёгкость идти, держась за руки, просто идти, не помня, кто мы и откуда, не зная, что ждёт нас завтра. Лёгкость жизни без обещаний и ожиданий. Мы, уже умершие или ещё не рождённые, в мире, которого никогда не было.

– Поезд прибывает, – твой голос доносится, словно из другого мира, напоминая мне о той лёгкой любви, что далась нам дорогой ценой в том, параллельном мире неизбывной тяжести, и от этих слов я нынешний становлюсь почти невесомым.

Опьянение покоем – самый сладкий морок.

Мы идём вдоль берега реки, и вишнёвые сумерки постепенно накрывают нас. Светляки, зажигаясь сотнями в кронах вековых деревьев, несмелым мерцанием освещают путь, а сам берег превращается в бескрайний стол, куда приглашены все, пришедшие в сумрак. Кажется, вдали я вижу силуэты сидящих за столом людей. Среди них мой отец в компании наших давно ушедших предков.

Вдали едва слышна скрипка. Вот уже и виолончель вторит ей уверенно и сурово. Переливаются нездешним светом ягоды и гроздья винограда на столе, звёзды падают в бокалы вина, разбрасывая вокруг себя золотые искры. Ветер срывает новые лепестки с веток и те ложатся мне на веки.

Я закрываю глаза, не в силах сопротивляться гипнозу происходящего, и теперь едва различимыми бликами мелькают за закрытыми веками снежные хлопья северной страны, блестящие глаза ездовых собак, селенитовый жезл гадалки, разгоняющий дым благовоний, желтоватые огни, проносящиеся мимо размытыми пятнами за окнами такси и бегущие по ним косыми штрихами капли дождя.

Капли дождя, дрожащие на оконном стекле одинокой холодной комнаты в час, когда прибывает поезд.

*Хочется легкого, светлого, нежного,
раннего, хрупкого и пустопорожнего,
и безрассудного, и безмятежного,
напрочь забытого и невозможного.
Хочется рухнуть в траву непомятую,
в небо уставить глаза завидующие
и окунуться в цветочные запахи,
и без конца обожать все живущее.
Хочется видеть изгиб и течение
синей реки среди курчавых кустарников,
впитывать кожу солнца свечение,
в воду, как в детстве, сгять без купальников.
Хочется милой наивной мелодии,
воздух глотать, словно ягоды спелые,
чтоб сумасбродно душа колобродила
и чтобы сердце несло, ошалелое.
Хочется встретиться с тем, что утрачено,
хоть на мгновенье упасть в это дальнее...
Только за все, что промчалось, заплачено,
и остается расплата прощальная.*

Эльдар Рязанов

Со временем привыкаешь к боли, и она становится усталостью. Стоишь один в пустом безлюдном поле и капли осеннего дождя одаряют тебя своей скупой холодной лаской. Ты больше не хранитель воспоминаний, не сновидец изменчивой экзистенции, не скиталец по пыльным руинам прошлого – ты безмолвный наблюдатель безжалостной природы, проигравший битву со временем.

Я стал похож на соляной столп, в который превратилась жена Лота, взглянув назад на пылающий город прошлого. Слепок своего опыта, тщательно отточенный средой, закалённый мифами и заблуждениями, я закаменел, и теперь ничто не может изменить форму, что я принял. *Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать.* И беспомощный разум, вышедший за пределы всех заскорузлых форм, осознавший намного больше того, что ему позволил собственный опыт, теперь томится невозможностью развернуть мою внутреннюю сущность в новом направлении. Что бы я ни понимал о людях и о мире, я буду

чувствовать точно, как чувствовал раньше, когда ничего не знал. Я буду всё также ревновать, стяжать и апеллировать к тем анахронизмам ума и сердца, в кузнице которых ковался мой дух. Я, как и прежде, буду тосковать об идеальном мире и искать пятна на солнце. Точно как тот библейский пёс, я буду вновь и вновь возвращаться к своей блевотине, и как странник печальных дум Эмиль Чоран, ни на минуту не смогу заставить себя забыть о рае.

Новый день приносит в бытие новые, более совершенные законы, постепенно оттеняя мракобесие былых заблуждений, и я бы с радостью принял эту новизну, если бы только мог. Если бы ни усталость и инертность моего сердца, обходящего разум и решающего мою судьбу за меня. Заслужил ли я снисхождения у потомков, навигаторов Эры Водолея, или, возведший печаль до уровня порока, достоин только жестокой справедливости – презрительного холода равнодушия в их глазах? Человек, не вышедший в свой срок из рая, не выросший в мужа...

Век ожидания закончился, и бытие требует действий. Но слабое сердце моё с трудом перекачивает кровь. Абсолютно один – один во всём мироздании, я медленно бреду по снегу, тяжело дыша, глядя на алые проблески рассвета за горизонтом. Во сне я получил от тебя письмо с адресом в неведомой стране. И я отправляюсь в неведомую страну. Туда, где берег реки превращается в бескрайний стол, изобилующий яствами; куда ночью прибывают поезда ушедших в сумрак. Мне кажется, во всём этом зашифровано нечто – ключ к новой, совсем иной жизни, которая должна вот-вот наступить.

Ловлю такси и продолжаю свой путь, жмурясь и всё же глядя на блики просыпающегося города. Верую в абсурдное, ибо написано было в письме, что ты защитишь меня своей дланью.

Ослепительный весенний свет, тающий снег под всё ещё матовым солнцем, скупым на тепло – знаю, рано или поздно оно доберётся и до меня. Закрываю глаза и теряю счёт дням и километрам. И вот уже кажется, что тепло пугливым зверьком неторопливо, осторожно забирается в чашу моей ладони. Не

обжигает, но медленно разливается по венам, достигая сердца.
Твоя ли рука в моей руке? Твоя ли рука, как было обещано?
Что бы то ни было, прошу только об одном – не отпускай.
Не отпускай мою руку!

13.04.2023